

УДК 811.161.1'366-112
ББК 81.411.2-0

ФУНКЦИИ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ПОВЕСТИ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ

Е.Г. Дмитриева, Э.Н. Акимова

Комплексный анализ эмотивной лексики, использованной в Повести о Петре и Февронии, позволил выявить особую значимость данных языковых единиц для понимания замысла автора; в качестве основных функций, реализуемых рассматриваемыми лексемами, определены характерологическая и текстообразующая.

Ключевые слова: *эмотивная лексика, лексическая семантика, диахрония, характерологическая функция, текстообразующая функция.*

Изучение содержательной стороны языка теснейшим образом связано с исследованием функционирования разноуровневых языковых единиц. Следовательно, анализ семантики слова целесообразно проводить с учетом специфики функций, реализуемых им в тексте.

Объектом нашего исследования является эмотивная лексика, представляющая одну из важнейших сторон внутреннего мира личности, обозначающая эмоциональные переживания и их проявления. Эмотивные компоненты значения лексических единиц могут иметь как денотативный, так и коннотативный характер. При изучении семантики слова в историческом аспекте те или иные смысловые оттенки значения лексем и словоформ могут быть восстановлены лишь с относительной степенью достоверности. Коннотативные эмотивные элементы лексического значения нами не рассматриваются, так как выявить их в древнерусских и старорусских текстах не всегда представляется возможным в силу отличия представлений о мире, которые они отражают, от современных.

Основываясь на результатах анализа художественных текстов, Л.Г. Бабенко утверждает, что основная функция эмотивной лексики в них – создание эмотивного содержания и эмоциональной тональности. К частным фун-

кциям эмотивной лексики в художественном тексте исследователь относит описательно-характерологическую (создание психологического портрета образа персонажей), интерпретационную и эмоционально-оценочную (эмоциональная интерпретация мира, изображенного в тексте, и оценка его), а также интенциональную (обнаружение внутреннего эмоционального мира образа автора) и эмоционально-регулятивную (воздействие на читателя) [1, с. 156].

В последнее время появились специальные исследования, посвященные рассмотрению эмотивных языковых единиц в историческом аспекте, однако многие вопросы все еще остаются недостаточно изученными. Актуальными задачами, стоящими в связи с этим перед учеными, являются исследование закономерностей формирования и развития сложной по структуре и семантике группы слов, служащих для обозначения эмоций; определение функциональной нагрузки данных языковых единиц в текстах древнерусских и старорусских памятников письменности.

В силу своей значимости, как представляется, особого внимания заслуживают характерологическая и текстообразующая функции, реализуемые эмотивными языковыми единицами в тексте.

Характерологическая функция не нашла в исследованиях лингвистов широкого рассмотрения, в немногочисленных работах речь идет о характерологической функции языко-

вых единиц в художественном тексте. При анализе древнерусского текста понятие «характерологическая функция» используется в работах С.П. Лопушанской, которая пишет, в частности, об особенностях реализации данной функции формами имперфекта в «Слове о полку Игореве» [7, с. 97].

В нашей работе под характерологической функцией языковых единиц понимается употребление их в речи (тексте) с целью описания внутренних качеств и поведения людей; разнообразных свойств предметов и явлений действительности [3].

Текстообразующая функция также не получила еще признанной всеми дефиниции и понимается нами как способность языковых единиц быть связующим элементом содержательно-смыслового пространства и формальной организации текста.

Материалом для статьи послужила Повесть о Петре и Февронии, созданная в XV–XVI веках. Как отмечают исследователи, Повесть принадлежит к числу лучших произведений древнерусской литературы. По поэтичности и глубине художественной мысли, тонкости психологической наблюдательности и по совершенству формы она занимает исключительное положение не только в ряду древнерусских литературных памятников, но и в мировой литературе [4, с. 3].

В структуре Повести можно выделить вступительную часть – эпизод, описывающий борьбу князя Петра со змеем, – своеобразный пролог и центральную часть – рассказ о взаимоотношениях Петра и Февронии от знакомства и свадьбы до смерти.

Психологический рисунок центральной части повествования образуется двумя составляющими: взаимоотношениями героев между собой и их отношениями с окружающими людьми.

Чувства Петра и Февронии показаны достаточно скупой, при этом большее внимание уделяется переживаниям князя. Когда он впервые услышал о Февронии, то был удивлен. Автор Повести использует для описания его состояния глагол *дивитися*: *Князь же дивлеса ответу ея* (ППФ. Л. 141). Лексема *дивитися* «удивляться, поражаться» (СлРЯ XI–XVII. Вып. 4. С. 244) в древнерусском и старорусском языках обозначала процесс нейтрального эмоцио-

нального переживания средней степени интенсивности, относящийся к сфере конкретного, одушевленного субъекта. В этом нейтральном удивлении князя не отражается особенного отношения к девушке. Глагол *дивитися* используется также для описания реакции князя на чудесное избавление от болезни: *И дивляшеся скорому исцелению* (ППФ. Л. 141 об.). Чувство удивления переживают и другие персонажи Повести. Например, удивление вызывают слова Февронии у слуги Петра: *Юноша же той не разуме глагол ея, дивляшеся, зря и слыша вещь подобну чудеси* (ППФ. Л. 139).

Наряду с глаголом *дивитися* для обозначения удивления используются и другие лексические единицы. Так, во вступительной части описывается удивление Петра, вызванное проделками змея: *и чюдяхся, како напред мене обретеса* (ППФ. Л. 138). Глагол *чудитися*, по данным Словаря И.И. Срезневского, в древнерусском языке имел прямое значение «быть восхваляемым, прославляемым»: *Уюдить всѣми Мони, понеже и пауче всѣхъ во(го)тавлениа съподобиса. Жит. Феод. Студ. XIII в. (Срезн. III. Стб. 1546)*, и в данном значении выражал внешнее проявление отношения. В анализируемом же тексте *чудитися* обозначает процесс эмоционального переживания удивления и может рассматриваться как глагол эмоционального состояния.

Помимо удивления Петр испытывает перед Февронией стыд за свои поступки: *И яко же приспе в дом ея, с студом посла к ней, прося врачевания* (ППФ. Л. 141 об.). Лексема *студъ* «чувство стыда, неловкости» (СлРЯ XI–XVII. Вып. 28. С. 204) означает отрицательное чувство высокой степени интенсивности.

В древнерусском языковом сознании *стыд* выступал как часть оппозиции *стыд* – *срам*. При этом испытывали чувство *стыда* за ошибку или нехорошее действие, за ним следовал *срам* (*сором*), то есть осуждение со стороны «другого» (других). Эти понятия отражают чувственную реакцию на поведение свое или чужое. *Стыд* – физическое ощущение *студа* (стужи, холода), а *срам* – соборный упрек за такую ошибку. Совмещение субъективного переживания и объективного осуждения со стороны рождает устойчивую

этическую формулу *стыд и срам*, в которой совмещены признаки субъекта и объекта. Они конкретны, как конкретно все в средневековом сознании, и соединены метонимической связью смежности [6, с. 106].

Именно чувство стыда героя является первым, связанным только с Февронией; с него начинаются особенные отношения между князем и девушкой. Это единственное чувство Петра к Февронии, названное автором напрямую.

О переживаниях Февронии автор текста говорит только однажды: *Она же, нимало гневу подержав, рече: «Аще будет ми супружник, да будет уврачеван»* (ППФ. Л. 141 об.).оборот *гнев держати* в значении «быть в гневе на кого-либо, гневаться на кого-либо» (СлРЯ XI–XVII. Вып. 4. С. 41) описывает отрицательное чувство высокой степени интенсивности, направленное на одушевленный объект.

Чувство гнева в христианской традиции воспринимается как греховное. Среди характеристик, которые исследователи указывают в качестве определяющих для данного понятия, отметим силу эмоционального переживания, потребность во внешнем проявлении, выходе наружу, стремлении воздействовать на лицо, виновное в нежелательном событии [5, с. 20], а также специфическую для русского менталитета черту – обусловленность гнева несоответствием поведения основным этическим принципам [2, с. 526].

Описывая трудности, с которыми столкнулись герои в семейной жизни, автор целомудренно не останавливается на описании чувств Петра и Февронии к друг другу, эти эмоции остаются в подтексте повествования, о них мы можем судить только по поступкам героев, стойко поддерживающих друг друга в трудные времена: *Блаженный же князь Петр яко помышляти начат: «Како будет, понеже волею самодержьства гонзнув?»*. *Предивная же Феврония глагола ему: «Не скорби, княже, милостивый бог, творец и помысленик всему, не оставит нас в низиште бытии!»* (ППФ. Л. 144).

В приведенном контексте дается также косвенная характеристика отношения князя Петра к поступкам бояр, которое эксплицитировано глаголом *скорбети*. В словаре И.И. Срезневского в качестве прямого для данного гла-

гола признается значение «печалиться»¹: *Видимъ грѣшнѣга моуѣщагася. и зѣло скървимъ. Хож. Богор.* (Срезн. III. Стб. 402); оно сохранилось и в старорусском языке. В семантике глагола *скорбети* актуализирован компонент «процесс эмоционального переживания», что позволяет рассматривать данную языковую единицу как глагол состояния, обозначающий протекание отрицательного, высокого по интенсивности чувства, относящегося к сфере субъекта, который является конкретным, одушевленным.

Чувству глубокой печали, переживаемому князем, противопоставляется ярость и веселье бояр: *И по мнозе же времени приидоша к нему съ яростию бояре его* (ППФ. Л. 142 об.); *Они же неистовии, наполнившеся безстудия, умыслиша, да учредят пир. И сотвориша. И егда же быша весели, начаша простирати безстудныя своя гласы, аки пси лающе, отнемлюще у святыхъ божий дар, его же бог и по смерти неразлучна общал есть* (ППФ. Л. 142 об.). В широком контексте Повести такое поведение противостоит поведению главных героев: *безстудие* – стыду князя, *ярость* – гневу Февронии.

Как и *гневъ*, лексема *ярость* «гнев, ярость» (Срезн. III. Стб. 1662) называет отрицательное эмоциональное переживание высокой степени интенсивности. Ярость отличается от гнева не только большей силой проявления, но и предельным характером, близким к бессознательному состоянию – животной ярости. Так, носителями данного переживания в древнерусских и старорусских житиях являются либо люди, одержимые дьяволом, либо животные, связанные с дьявольскими силами. В связи с этим обращает на себя внимание сравнение *аки пси лающе*, выражающее негативную авторскую оценку поведения персонажей.

Отличия между данными эмоциональными переживаниями кроются и в культурной семантике: гнев мыслился нашими предками как более светлая, чем ярость, сила, доступная усмирению; он отождествлялся с духовной сферой, а ярость – с физиологической [6, с. 89].

Таким образом, анализ эмотивной лексики в Повести позволяет реконструировать существенные для понимания концепции автора смыслы, выявить значимость слов с

эмотивной семантикой в создании образов персонажей и реализации характерологической функции.

Переживания героев Повести (Петра, Февронии и бояр) даны в динамике. Результат психологического развития взаимоотношений центральных героев и их отношений с другими людьми эксплицирован в следующем фрагменте: *Блаженный же князь Петр и блаженная княгиня Феврония возвратишася во град свой. И беху державствующе во граде том, ходящее во всех заповедех и оправданиях господних бес порока, в молбах непрестанных и милостынях и ко всем людем под их властью сущим, аки чадолюбивии отец да мати. Беста бо ко всем любовь равну имущее* (ППФ. Л. 144 об.).

Чувство любви испытывают в финале Повести и вельможи по отношению к князю и княгине: *ныне же со всеми дома своими раби ваю есмы, и хоцем, и любим, и молим, да не оставита нас, раб своих!* (ППФ. Л. 144 об.).

Лексемы *любити* «испытывать глубокую привязанность, расположение к кому-либо» (СлРЯ XI–XVII. Вып. 8. С. 327) и *любы* «любовь, привязанность, благосклонность к кому-л.» (СлРЯ XI–XVII. Вып. 8. С. 330) в древнерусском и старорусском языке обозначали недифференцированное состояние-отношение эмоционального переживания высокой степени интенсивности, направленное на конкретный, одушевленный объект.

Чувство любви – любви семейной, равной, взаимной, о котором говорится в приведенных контекстах, воплощает для автора идеал человеческих взаимоотношений.

Формируя оппозиции персонажей, оцениваемых положительно и отрицательно, эмотивная лексика способствует поддержанию композиционного единства произведения, построенного на конфликте правильного (допустимого) и неправильного (осуждаемого).

Такое противопоставление находим и в текстах других памятников письменности. Так, в Сказании о Борисе и Глебе, вошедшем в состав Успенского сборника XII–XIII веков, любовь, как чувство, связанное с добром, имеющее божественную христианскую природу, противопоставляется ненависти – чувству, в основе которого лежит злоба и которое связывает-

ся с дьяволом. Первое концентрируется прежде всего вокруг святых Бориса и Глеба, носителем второго выступает Святополк.

Многokrатно автор описывает переживания святых Бориса и Глеба, печалющихся о том, что родной брат задумал их убить. Глубокую скорбь испытывает Борис, узнав о смерти своего отца. Автор прибегает к многоплановому изображению эмоциональных переживаний. Внешние проявления чувств святого обозначаются глагольными словоформами *оутърпывати* – «ослабевать», *испълни сѧ* – «наполнилось», *разливаа сѧ* – «обливался», *глати* – «говорить»: *и тако оуслыша стѣи борисъ научатъ тѣлѣмъ оутърпывати и лице кго все слъзъ изпълни сѧ . и слъзами разливаа сѧ и не могъи глати* (СкБГ XII. Л. 9б). Во внутренней речи Борис описывает свои чувства следующим образом: *срдце ми горитъ . дша ми съмъслъ съмоуцакътъ и не вѣмъ... къ комоу сню горькою пѣуаль простерети* (СкБГ XII. Л. 9б–9в). Важную роль играет и описание реакции других людей: *и вси съмоуцаахоу сѧ о пѣуали* (СкБГ XII. Л. 10а). Все эти описания позволяют создать картину глубокого душевного потрясения, к которому никто не остается равнодушным. Сопереживать этому горю начинает и читатель.

Чувство радости обозначается в Сказании глаголами *радоватисѧ*, *възрадоватисѧ*, глагольно-именным сочетанием *радѣстѣнѣмъ срдцѣмъ*. *Радоватисѧ* употребляется в тексте в прямом значении «радоваться» (Срезн. III. Стб. 13): *о семь словеси тѣуно оутѣшааше сѧ и радовааше сѧ* (СкБГ XII. Л. 11а).

В целом складывается оппозиция – радостное, связанное с небесным, и печальное, связанное с мирским. Печаль герои Сказания переживают в их земной жизни и обретают радость в жизни небесной. Исключение составляет, пожалуй, только Святополк.

Если в Сказании противопоставление между героями не снимается до конца повествования, то Повесть построена иначе. Развитие сюжета в ней опирается на скрытое в подтексте развитие чувств персонажей: от удивления, стыда или гнева до любви – у Петра и Февронии; от ярости, бесстыдства до любви – у княжеских вельмож. Этот подтекст играет сюжетобразующую роль и отражает

основную интенцию автора, призывающего читателей к единению на основе всеобъемлющего чувства любви.

Ключевая роль эмотивной лексики в построении композиции и сюжета Повести позволяет говорить о реализации данными языковыми единицами текстообразующей функции.

Таким образом, анализ использования эмотивной лексики в Повести о Петре и Февронии позволил выявить особую значимость данных языковых единиц для понимания замысла автора и установить в качестве основных функций, реализуемых данными языковыми единицами в названном тексте, характерологическую и текстообразующую.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иная точка зрения отражена в работе Н.И. Тарабасовой [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 496 с.
2. Вежбицкая, А. Выражение эмоций в русском языке: Заметки по поводу «Русско-английского словаря коллокаций, относящихся к человеческому телу» / А. Вежбицкая // Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – С. 526–546.
3. Дмитриева, Е. Г. Характерологическая функция эмотивной глагольной лексики в житийном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук :

10.02.01 / Дмитриева Евгения Геннадьевна. – Волгоград, 2005. – 22 с.

4. Дмитриева, Р. П. Введение / Р. П. Дмитриева // Повесть о Петре и Февронии. – Л. : Наука, 1979. – С. 3–5.

5. Иорданская, Л. Н. Попытка лексикографического толкования группы русских глаголов со значением чувства / Л. Н. Иорданская // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – 1970. – Вып. 13. – С. 3–26.

6. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн. Кн. 3. Бытие и быт / В. В. Колесов. – СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2004. – 400 с.

7. Лопушанская, С. П. Развитие и функционирование древнерусского глагола / С. П. Лопушанская. – Волгоград : Изд-во ВПИ, 1990. – 114 с.

8. Тарабасова, Н. И. Из истории синонимических отношений слов с корнями *бол-* и *скорб-* (на материале вестей-курантов первой половины XVII в.) / Н. И. Тарабасова // История русского языка: Исследования и тексты. – М. : Наука, 1982. – С. 115–131.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

ППФ – Повесть о Петре и Февронии // Повесть о Петре и Февронии. – Л. : Наука, 1979. – С. 209–223.

СкБГ XII – Сказание о Борисе и Глебе, приписываемое мниху Якову, к. XI в. по Успенскому сборнику XII–XIII вв. // Успенский сборник XII–XIII вв. / под ред. С. И. Коткова. – М. : Наука, 1971. – С. 42–58.

Срезн. – Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Знак, 2003.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 1–28. – М. : Наука, 1975–2008.

EMOTIVE VOCABULARY FUNCTIONS IN THE NOVELETTE ABOUT PETR AND FEVRONIYA

E. G. Dmitrieva, E. N. Akimova

The article gives the analysis of emotive vocabulary usage in the text of Petr and Fevroniya novel. The attention is paid to the special importance of such vocabulary in the understanding of the author's meaning. The article also depicts the main functions of emotive vocabulary: to describe the character and to produce cohesion in the text.

Key words: *emotive vocabulary, lexical semantics, diachrony, characterological function, function of text producing.*